

Проблемы русской философии

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.1.200

В.О. Ключевский «Евгений Онегин и его предки»: культурно-исторический контекст (статья вторая)

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Продолжен разговор о перекрестных способах позитивистской и герменевтической референции русского историка рубежа XIX–XX вв. В.О. Ключевского. Сквозь призму взглядов Ключевского на роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» проанализировано понятие «лишний» человек. Для текстовой наглядности выбрана линия родословной истории предков Онегина, выведенная в текстах Ключевского. Показано, как Ключевский рассматривает историю России с середины XVII до начала XIX в. в контексте вызревания ускоренной смены разнохарактерных общественных типов дворянского сословия. Сделан вывод о том, что термин «лишний», используемый Ключевским для характеристики Онегина и подобных ему людей, имеет разное контекстное значение – «другой», «чужой», «странный».

Ключевые слова: В.О. Ключевский, А.С. Пушкин, история, культура, позитивизм, герменевтика, «лишний» человек.

В первой статье «В.О. Ключевский «Евгений Онегин и его предки»: культурно-исторический контекст» иллюстративно рассмотрен портрет главного героя романа¹. Из наблюдений Ключевского выяснилось, что предки Евгения Онегина принадлежали старинному русскому дворянству, из поколения в поколение они передавали свои умственные и нравственные традиции, которые преобразовывались у потомков в разные формы: от достойных правил жизни (служить, иметь связи в свете, обрести доброе имя и семью) – до их деформации (бездельничать, пустословить, предаваться забавам). Был сделан вывод о том, что рассуждения Ключевского не лишены противоречий. На первый взгляд, Ключевский считает, что Онегин – «лишний человек». Однако, если углубиться «в строку», то «лишний» расшифровывается в каждом историческом контексте по-разному: «другой», «чужой», «странный». По текстам историка видно, что люди, похожие на Онегина, не были «героями своего времени», казалось бы, они «не хотели сидеть, как сидели все» [под словом «сидеть», Ключевский

¹ Михайлова Е.Е. В.О. Ключевский «Евгений Онегин и его предки»: культурно-исторический контекст (статья первая) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2024. № 4 (70). С. 151–158.

обычно подразумевает «служить» – *Е.М.*], поэтому слыли за чудаков «печальных и опасных» [2, с. 89].

Цель второй статьи – продолжить разговор о перекрестных способах позитивистской и герменевтической референции русского историка рубежа XIX-XX вв. В.О. Ключевского и, по возможности, скорректировать смысловое наполнение понятия «лишний человек» на примере изучения родословной истории предков героя романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Ключевский отдает большую дань творчеству Пушкина. Он пишет: «Жизнь поэта – только первая часть его биографии; другую и более важную часть составляет посмертная история его поэзии» [2, с. 85]. Задумываясь над вопросом, кто такой пушкинский Онегин – «печальная случайность» или «нечаянная ошибка», Ключевский предлагает читателю перелистать родословную Онегина, вскрыть историко-генетический облик его прадедов и отцов. Из его курса лекций по русской истории видно, как два главных обстоятельства формировали умственный строй российского дворянства, – служение и образование.

«Служение» зарождалось еще при первых московских князьях и выражалось в следовании приказу об обязательном прибытии на место военных действий. За военную службу дворянин получал от государя в личное пользование поместье, на доходы от которого и должен был жить в мирное время. «Образование» представляло собой процесс освоения дворянами сначала религиозных, а затем математических и инженерных знаний, начиная со второй половины XVII в. и в течение XVIII в. По своим мировоззренческим взглядам Ключевский был позитивистом, а, следовательно, особое внимание уделял процессу накопления знаний. Видимо поэтому в качестве предметного поля для рассуждений о предках Онегина московский профессор выбирает именно сферу образования.

Прадеды Онегина

Потомков героя романа Пушкина «Евгений Онегин» Ключевский предлагает искать во второй половине XVII в., в конце царствования Алексея Михайловича. Именно в это время наметилось локализационное размежевание служилых людей: одни становились столичной знатью, другие – провинциальными дворянами. Прадед Онегина, в исторической реконструкции Ключевского, был типичным «служакой старого покроя», который в минуту военной опасности прибывал на границу «конно, людно и оружно» со своими холопами, а в мирное время «кормился» за счет выделенного ему за службу поместья с землей и с крестьянами. Из частной переписки того времени видно, что этот служилый человек был неграмотным, т. к. свое деловое «слово» заверял не своей подписью, а скрепой духовного наставника.

Сыну прадеда Онегина повезло больше, считает Ключевский, в том смысле, что он уже был грамотным. Благодаря метким записям историка видим, что молодой человек «за бойкость» был определен в солдатский

полк под командованием иноземного офицера; «за понятливость» переведен в подьячие; «за любознательность» отдан в Москву, в школу киевского старца «учиться по латыни» [2, с. 90]. Однако Ключевский довольно скептически оценивает роль новоявленного образованного московского книжника. Вокруг бурлила жизнь, а он только «обзаводился книгами и книжными понятиями», «занимался своим умственным и нравственным домостроительством». Этот «грамотей мастер» пребывал в уверенности, что образованному человеку надо в первую очередь осваивать христианский «завет отцов и дедов», что позволит дать ответ на все вопросы [4, с. 302, 304]. Когда разразилась петровская реформа и этого «чиновного латиниста» назначили комиссаром по снабжению армии, он понял, что его грамматическая мудрость оказалась никому не нужной.

Если набожную ученость московского книжника можно считать личным выбором, то грамотность его детей стала следствием государственной воли Петра I, издавшего в 1714 г. закон об обязательном обучении дворян. Ключевский одобрительно оценивает этот факт: «Но обязательное обучение, не давая значительного запаса научных сведений, приучало к процессу выучки, делало ее привычною сословною повинностью, а потом светским приличием и даже возбуждало некоторый аппетит к знанию» [2, с. 94]. Дети ученого латиниста получили обязательное образование в цифирных школах и специальных учебных заведениях, открытых для дворянских недорослей в родном отечестве, и учились за границей. Принудительное обучение действовало по-разному на молодых людей. Среди тех, кто был отправлен изучать науки в Амстердам, Венецию, Марсель и другие прибрежные города Западной Европы, сразу же наметился очевидный раскол. Одни осваивали знания с усердием, другие предпочитали учебу повседневным забавам. Образ жизни и тех, и других Ключевский описывает словами, взятыми из отчетов комиссаров, которые по приказу монарха наблюдали за учениками. Одни – обучались математике, «экипажеству», механике, наукам «философским и дохтурским», но особенно «мореходским и сухопутским», навигации, инженерству, артиллерии; другие – учились танцевать, биться на шпагах, ездить на лошадях, посещать игорные дома [2, с. 91]. Первые привезли в Петербург знания точных наук и желание служить отечеству, другие – знания модного катехизиса и желание танцевать и биться на шпагах.

Судьба успешно обучившегося за границей онегинского предка, по мнению Ключевского, разрешилась довольно странным образом. Царь-реформатор умер, его преобразования оказались мало востребованными. «Птенец гнезда Петрова», специалист по математическим и навигацким наукам, оказался лишним человеком в великосветских салонах. Сторонники боярства со своей преданностью «былой старине» критиковали за то, что знания его остались без употребления. Поклонники новых европейских обычаев, «холопы чужой мысли», по выражению Ключевского, насмеялись над его неспособностью быть изящным и модным. А чинов-

ники Тайной канцелярии и вовсе грозили наказанием за «неосторожное слово» [1, с. 309; 2, с. 92]. Не выдержав такого тройного отчуждения, сторонник реформ Петра I вынужден был удалиться в свое родовое поместье. Вот какими словами, наполненными иронией, результирует рассказ о прадеде Евгения Онегина Ключевский: «К русской действительности этот ученый служака стал как-то криво, нечаянно и больно ушибся головой об ее угол и без особенной пользы, хотя и без вреда, всю остальную жизнь коптил небо, созерцая звезды» [2, с. 93].

Если брать за основу два оценочных критерия облика дворян – грамотность и род деятельности, то с этой точки зрения ранний предок Онегина не был образован, лишь усердно воевал и хозяйствовал по принципу «кормления с поместья». В силу особых обстоятельств его сын не просто обучился грамоте, но и стал московским книжником, мудрым и степенным, но, как выяснилось, оторванным от мирских забот. Его внуки получили обязательное образование, однако разнились в своих предпочтениях: одни предпочитали столицу и светские развлечения, другие служили в государственных департаментах и по уходу со службы селились в родовом поместье. Русский помещик, считает Ключевский, имел все шансы завести доходное хозяйство. В его руках были земля и крестьяне, местное дворянское управление и новейшие агрономические технологии. Однако постепенно он превратился в «заурядного екатерининского вольнодумца». Пока предок Онегина предавался чтению с «эстетическим восторгом» и «философическими слезами», ездил на охоту и играл в вист, его поместьем занимался наемный управляющий. Рафинированное бездействие превратило обладателя литературного образования и сторонника идей Просвещения в довольно странного субъекта высшего света, не до конца понятного ни самому себе, ни своим близким, ни чужим. Он как будто провалился в незримую культурную расщелину. Хорошо известны слова Ключевского: «В Европе видели в нем переодетого по-европейски татарина, а в глазах своих он казался родившемся в России французом» [2, с. 95].

Отцы Онегина

«Отцами» в романе Пушкина служат отец и дядя Онегина, отец Татьяна. Все они выступают, в интерпретации Ключевского, персонифицированным выражением истории России с середины XVIII в. до четверти XIX в. В течение 75 лет эти дворяне конец правления Елизаветы Петровны, время пребывания на престоле Екатерины II и окончание царствования Александра I. Культурно-исторический контекст их жизни можно очертить следующими символическими рамками: основание Московского университета, «Жалованная грамота дворянству», военные компании против Османской империи, Отечественная война 1812 г.а и заграничные походы против Наполеона, светские салоны, родовые поместья, масонство, восстание декабристов. Этот ряд можно расширить, но детали ситуацию принципиально не изменят.

Для отца Онегина и подобных ему дворян была уготована новая образовательная система, которая сложилась при Елизавете Петровне и стала приносить свои плоды при Екатерине II. Дети дворян могли учиться в Московском университете и Казанской гимназии, в Сухопутном и Морском шляхетском кадетском корпусе, в Артиллерийском и инженерном шляхетском корпусе, в разного рода частных пансионах. Обеспеченные родители позволяли своим детям путешествовать, жить и учиться за границей. Исследователи подмечают динамику развития системы образования в России: от петровских военно-морских и инженерных школ, к екатерининским учебным заведениям, соответствующим духу общеевропейской дворянской культуры [7, с. 355].

Отец Онегина, как видно из текста романа Пушкина, служил чинно-благородно, получая звания в соответствии с установленным регламентом, избегая интриг и разного рода чрезвычайных обстоятельств. Жил, как можно судить из пушкинских строк, срединно, без крайностей. Мотовство не было чертой его характера (давал «лишь три бала ежегодно»), однако и рачительность не являлась его сильной стороной («долгами жил» и «промотался»). В глазах Ключевского, дворянство такого рода – «верноподданные бунтари». «Оно привыкло окружать престол с вечно протянутой рукой попрошайки и трясти его за неподатливость», – расшифровывает свой эпитет Ключевский в «Записной книжке» 1890-х годов [3, с. 443]. Современные исследователи солидаризируются с такой точкой зрения, акцентируют внимание на том факте, что российским дворянам была свойственна двойная ментальность в отношении власти: с одной стороны, они выказывали подданническую верность, с другой – бунтовали, борясь за свои чины и привилегии [8, с. 20].

После смерти отца Онегину в наследство не осталось ровным счетом ничего, кроме доброго имени и связей в свете. В итоге, молодому человеку рисовались два пути: или служить, по примеру отца, или надеяться на наследство бездетных родственников. Первый путь пушкинского героя оказался для Онегина непосильным. Как мы помним, воспитание у него было довольно легкомысленное. Молодой человек мог «без принужденья в разговоре коснуться до всего слегка»; «бранил Гомера, Феокрита, зато читал Адама Смита»; «читал, читал и все без толку» – цепочку пушкинских рифм можно продолжить, но картина уже видна [6, с. 10, 11, 24]. В отношении чтения Адама Смита современниками Онегина Лотман дает информационный комментарий. Указ от 1803 г. Александра I «О вольных хлебопашцах» нашел отклик у молодежи в повышенном интересе к политической экономии. Отец Онегина предпочитал традиционный для русского помещика путь хозяйствования – увеличение повинностей, разорение крестьян и последующий заклад поместья в банк; его сын уже ратовал за новый путь – признание права собственности крестьянина на продукты его деятельности и, как следствие, повышение доходности хозяйства. Лотман говорит, что в этой части роман привлек внимание К. Маркса, который в

работе «К критике политической экономии» писал так: «В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар – деньги» [5, с. 135].

Специальных знаний у Онегина не оказалось, следовательно, предстояло служить, начиная с нуля. А начинать в восемнадцать лет службу рядовым – в канцелярии, в полку или на военном корабле – было как будто и не к лицу человеку, свободно изъяснявшемуся по-французски, легко танцевавшему мазурку и умеющему непринужденно кланяться. Неукоснительным для светского человека считалось соблюдение таких главных условий, как пребывание в состоянии равнодушия ко всему и постоянное выражение изящной, презрительной скуки, а также отличное владение французским языком и умение быть галантным. Именно по этим перечисленным признакам светская элита ограничивала людей своего круга от «чужих». Лотман в своих комментариях сравнивает значение французского языка и латыни для русских дворян. Он пишет, что знание французского языка было своеобразным «социальным паролем» в дворянской среде, а знание латыни – «свидетельством серьезного образования, в отличие от светского» [5, с. 126, 131].

Следует учесть еще одно обстоятельство. По изысканиям пушкинистов, первое вступление в свет Онегина состоялось в 1816 г. Это было время после недавнего завершения Отечественной войны. Царивший тогда в русском обществе необыкновенный духовный подъем мог захватить и Онегина, однако, не настолько, чтобы у него появилось желание начать служить отечеству. Именно в этот момент и обнаруживается другой путь – путь дядюшки Онегина. Жить в поместье, жениться, наплодить детей, стать рачительным хозяином, или попробовать силы в роли сельского реформатора, по примеру прусских помещиков-юнкеров или английских помещиков-лордов. Таковы символические вехи жизненного пути дворянина, чья самореализация была связана большей частью с екатерининской эпохой.

Роман Пушкина начинается, собственно, со слов о дяде Онегина. «Мой дядя самых честных правил...», – самое первое представление автора. Согласно дискурсивному приему Пушкина, дядю мы узнаем не напрямую, а глазами Онегина, рассматривающего предметы в его доме. Здесь срабатывает принцип «проявления хозяин в его вещах». Онегин – новичок в доме дяди. Знакомство с жилищем помогает его собственному самовыявлению. Позже схожие «полка книг» и «дикий сад» помогут и Татьяне, которая после отъезда Онегина будет посещать его жилище. Читаем у Пушкина: «Татьяна взором умиленным вокруг себя на все глядит, и все ей кажется бесценным, все душу томную живит» [6, с. 132]. Повторяемость деталей кабинета, идущая от автора, вырастает в общую ироничную оценку в стиле «во вкусе умной старины». Кабинет – это текст, требующий расшифровки. Онегин и Татьяна читают его как знаково-символическую картину, помогающую понять самих себя.

Интересно подметить, как вписывается в образный ряд «отцов» родитель Татьяны. В романе говорится так: «Отец ее был добрый мальчик, в

прошедшем веке запоздалый; но в книгах не видал вреда; он, не читая никогда, их почитал пустой игрушкой...» [6, с. 44]. Из строк Пушкина видим, что он был когда-то молод, был женихом, военным, награжден очаковской медалью, дослужился до бригадира. Лотман в своих комментариях отмечает, что такой чин был промежуточным между армейским полковником и генерал-майором [5, с. 206–207]. В моменте романа отец Татьяны и его супруга стареют вместе, живут пасторально, в сельской тиши. И очаковская медаль, которую получал каждый участник за взятие турецкой крепости в 1788 г., и халат, в котором «умер в час перед обедом», – все эти детали подчеркивают, по замыслу Пушкина, типичность героя: «как все» храброго в бою и «как все» домовитого в отставке.

Приближаясь к выводам, можно суммировать ряд обоснованных выше суждений.

Следы предков Евгения Онегина Ключевский обнаруживает во второй половине XVII в., в эпоху царствования Алексея Михайловича. Первое поколение представляет собирательный образ предприимчивого, но еще неграмотного дворянина; он живет в поместье в близи границы, готовый в момент опасности ее охранять со своим ополчением. Второе поколение олицетворяет его сын, образованный московский книжник-латинист, далекий от решения практических задач. Третье поколение являет собой его внук – военно-технический специалист при Петре I, получивший образование в учебных заведениях России и Европы. Видна динамика по образованию и деятельности: безграмотный воин и помещик – религиозный ученый и чиновник – военно-технический специалист и коллежский служащий.

Если прадед Онегина был неграмотным дворянином, сын его учился в духовной академии, внук прошел обучение в петровских «профессиональных» школах, то для отца Онегина и подобных ему дворяне была уготована уже новая система образования. В смысловом отношении она выстраивалась на идеях Просвещения, а в практическом – на выработке светского воспитания. В итоге отец Онегина приобрел литературные знания и светскую выправку при Екатерине II.

Как историко-генетический «наследник всех своих родных» Онегин, по мнению Ключевского, вобрал в себя все противоречия быстрой смены направлений образования, не всегда удачных практик и политического крена [2, с. 100–101]. Поэтому состояние Онегина в конце романа можно охарактеризовать современным термином «аномия». Практически все, что русская действительность тех лет могла предложить Евгению, им было отвергнуто как чуждое и постылое. А новые, увлекательные для нашего героя, версии русской действительности еще не вызрели. У Ключевского вызревает мысль о том, что постепенно, шаг за шагом молодые люди, не вписывающиеся в общепринятый ритм жизни, образуют особый общественный тип «лишнего человека», человека-чудака. Именно Пушкин не раз так именуется своего героя чудачком: «чудак печальный и опасный»; «иль корчит также чудака?»; «опаснейший чудака» [6, с. 34, 134, 150]. Бли-

же к финалу он и вовсе делает невеселые выводы: «Онегин (вновь займуся им), убив на поединке друга, дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов, томясь в бездействии досуга без службы, без жены, без дел, ничем заняться не умел» [6, с. 152].

Ключевский, как кажется на первый взгляд, соглашается с такой оценкой Онегина и артикулирует в своих текстах словосочетание «лишний человек». Как мы знаем, это понятие вошло в литературу XIX в. с посыла А.С. Тургенева, написавшего грустную по своей тональности повесть «Дневник лишнего человека» (1850). Однако, осуществленная герменевтическая процедура текстов Ключевского наводит на новую мысль. Термин «лишний», используемый историком для характеристики Онегина и подобных ему людей, приобретает в его сочинениях разное контекстное значение – «другой», «чужой», «странный». Таким образом, по Ключевскому, Онегин не «печальная случайность» или «нечаянная ошибка». Он – поэтическое олицетворение своих предков, вобравший в себя в силу обстоятельств не самые лучшие качества поколенческих традиций: поверхностные знания, неумение трудиться, разочарование и уныние. Ключевский так описывает сложившуюся ситуацию, в которой оказался Онегин: «Это была полная нравственная растерянность, выражавшаяся в одном правиле: ничего сделать нельзя и не нужно делать» [2, с. 100].

Рассмотренные способы позитивистской и герменевтической референции Ключевского позволила скорректировать смысловое наполнение понятия «лишний человек» на примере изучения родословной истории героя романа Онегина.

«Лишний человек» как «другой» – тот, кто поступает не так, как принято в сообществе, но сам принадлежит означенному кругу. Например, соседи не только не считают Онегина, поселившегося в имении своего покойного дядюшки, «лишним», но, наоборот, все хотят с ним общаться, и только получив отказ, в сердцах говорят, что «сосед наш неуч, сумасбродит».

«Лишний человек» как «чужой» – тот, с кем не отождествляет себя сообщество. По Ключевскому, чужим, в силу исторических обстоятельств, оказался и средневековый московский книжник, ученость которого была далека от живой жизни, и выпускник петровских профессиональных школ, знания которого оказались невостребованными, и екатерининский поклонник Вольтера, предпочитающий активному самовыражению тишину своего кабинета в родовом поместье.

«Лишний человек» как «странный» – тот, кто не видит смысла ни в учении, ни в служении, ни в создании семьи. В романе Пушкина читатель встречает немало франтов, петербургских денди, «модных чудаков», чьим идеалом было знание французского языка и следование английской ориентации романтического бунтаря.

Выведенная классификации видится, разумеется, «открытой», приглашающей к обсуждению и новому смысловому наполнению. Сам Ключевский

чевский это чувствовал, когда говорил: «Так я понимаю его [Онегина. – Е.М.] – правильно ли, судите сами» [2, с. 100].

Если соединить все эти характеристики воедино, то снимаются противоречия в рассуждениях Ключевского, о которых говорилось в начале статьи. Такие люди, как Онегин представляют собой общественный тип, созданный целым рядом предшествовавших поколений. Онегин – не случайность, у него есть генеалогия, родословная. Перелистывая ее вслед за Ключевским, читатель обращает особое внимание на культурно-исторический контекст жизни предков Онегина. Слишком быстрая смена общественных настроений вводила в замешательство образованного дворянина. Полученное им знания и русская действительность согласовывались как бы «из-за такта», одно не успевало за другим. Вот почему духовное образование книжника-латиниста не пригодилось в петровские реформы; военно-техническая выучка выпускника профессиональных школ при Петре I оказалась непригодной для карьеры в обществе, в котором стали важными правила светского этикета, а не служебные успехи; наконец, выправка и литературное образование екатерининского вольнодумца оказались непригодными для ведения государственной и земской деятельности. В таком ракурсе становится очевидным тот факт, что образованный дворянин оказывался «лишним» не единожды в своей истории. В повторяющемся состоянии «исторической ненужности» Ключевский видит трагизм дворянского сословия: от равнодушия к действительности – к пренебрежению ею – до культурно-психического курьеза, выраженного в признании двух противоположных вещей: верить в права человека и при этом иметь холопов. Среди причин такого явления Ключевский особо выделяет процесс порывистости и непоследовательности выстраивания образовательной системы в России, породивший череду быстро сменяющихся разнохарактерных общественных типов дворянского сословия.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Ворование и мышление // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения / сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. М.: Наука, 1983. С. 308–309.
2. Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // В.О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 9. Материалы разных лет. С. 84–101.
3. Ключевский В.О. Записная книжка [1890-е годы] // В.О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 9. Материалы разных лет. С. 375–446.
4. Ключевский В.О. Об интеллигенции // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения / сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. М.: Наука, 1983. С. 298–308.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

6. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. М.: Детская литература, 2001. 208 с.
7. Феофанов А.М. Стратификация российского поместного дворянства середины – второй половины XVIII века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2022. № 104. С. 38–48.
8. Штарева Т.Н. Социокультурный облик российского дворянства в петровскую эпоху // Наукосфера. 2023. № 7-2. С. 15–20.

V.O. Kliuchevsky «Eugene Onegin and his ancestors»: cultural and historical context

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article continues the discussion about the cross ways of positivist and hermeneutic reference of the Russian historian of the turn of the XIX-XX centuries V.O. Kliuchevsky. Through the prism of Kliuchevsky's views on A.S. Pushkin's novel «Eugene Onegin» the concept of «superfluous» person is analyzed. For textual clarity the line of genealogical history of Onegin's ancestors, deduced in Kliuchevsky's texts, is chosen. It is shown how Kliuchevsky considers the history of Russia from the middle of XVII to the beginning of XIX century in the context of maturation of accelerated change of different characteristic social types of the nobility. It is concluded that the term «superfluous», used by Kliuchevsky to characterize Onegin and people like him, has different contextual meaning – «other», «alien», «strange».

Keywords: *V.O. Kliuchevsky, A.S. Pushkin, history, culture, positivism, hermeneutics, «superfluous» person.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философский наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 9444–1370; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.01.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2025.